

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ФОЛЬКЛОР НА СТРАНИЦАХ РУМЫНСКИХ ЖУРНАЛОВ

Изучением фольклора в Румынской Народной Республике занимаются три учреждения: Институт фольклора, основанный в 1949 г. (печатный орган «Фольклорное обозрение»¹), Секция фольклора при Институте истории литературы и фольклора АН РНР (журнал «Статьи и исследования по истории литературы и фольклора»²) и Научное общество исторических и филологических наук (журнал «Язык и литература»³).

Институт фольклора был создан с целью установления единой методологии исследования народного творчества, а также для организации планомерного собирания и изучения фольклора страны. По изучению фольклора национальных меньшинств (венгры, немцы, русские, сербы, болгары, украинцы, словаки, турки, татары и др.) работает отделение института в Клуже.

Задача Института фольклора состоит в собирании и изучении бытующего современного фольклора трех видов: устно-поэтического, музыкального, танцевального. Соответственно в Институте созданы три секции — словесная, музыкальная и хореографическая. При Институте существует богатый фольклорный архив текстов и фонограмм-архив, в который вошли записи из бывших фонограммных архивов Министерства искусств и Общества румынских композиторов. В Институте имеются современная звукозаписывающая аппаратура и киноаппараты. К услугам сотрудников богата специальная библиотека, картотека корреспондентов и исполнителей. В журнале «Фольклорное обозрение», соответственно профилю Института, публикуются в основном исследования по современному народному творчеству, статьи, посвященные отдельным фольклорным жанрам, экспедиционные материалы. Все крупные статьи и исследования резюмируются на русском и английском языках. Очень интересен информационный раздел журнала, периодически сообщающий читателям о фольклористической деятельности в Румынии и за рубежом. В журнале аннотируются и рецензируются фольклорные исследования и книги.

Сотрудники Секции фольклора при Институте истории литературы и фольклора занимаются изучением старинных фольклорных сборников и рукописей, изучают историю румынской фольклористики, заняты проблемой взаимоотношения литературы и фольклора. Фольклорные статьи, помещаемые в журнале Института «Статьи и исследования по истории литературы и фольклора», в основном отражают работу сотрудников секции над этими темами.

В задачи фольклорного отделения Научного общества исторических и филологических наук входит собирание фольклора на местах, публикация исследований о жизни и работе известных фольклористов прошлого (по неизданным документам и материалам), публикация фольклорных исследований, базирующихся на местном материале. Одной из задач Общества является поощрение деятельности фольклористов-любителей.

С самого начала своей деятельности в новых условиях румынские фольклористы поставили перед собой строго определенные задачи: собирание фольклорного материала для создания единого свода румынского фольклора и областных антологий; публикация теоретических работ по фольклору; изучение нового крестьянского и рабочего фольклора, а также процесса преобразования традиционного фольклора в современных условиях; критическое переосмысление деятельности и творчества фольклористов прошлого; составление пособий для научной работы, тематических указателей, библиографий, систематизация всего фольклорного материала; переиздание некоторых фольклорных сборников, ставших трудно доступными⁴.

¹ «Revista de folclor», выходит с 1956 г. (в дальнейшем Rev.).

² «Studii și cercetări de istorie literară și folclor», выходит с 1952 г. (в дальнейшем Studii).

³ «Limba și literatură», выходит с 1955 г. (в дальнейшем Limbă).

⁴ См. информационную статью К. Бэрбулеску (С. Bărbulescu), А. Бушкала (А. Buşcan) и А. Викола (А. Vicol) «Достижения румынской фольклористики за 15 лет со времени освобождения страны» (Rev., 1959, № 1—2, стр. 11—24).

Немногим более десяти лет прошло со времени основания этих учреждений, а румынские ученые могут назвать в числе своих достижений выход в свет многих теоретических исследований, антологий, начало работы по расшифровке всего музыкального материала, выработку системы графической нотации танцев, разработку вопросов общей библиографии по румынскому фольклору.

* * *

СобираТЕЛЬская деятельность в стране, впервые предпринятая в начале XIX в., только в наши дни приобрела характер планомерного и широкого движения. В Институте фольклора было принято решение об издании многоотомной серии «Фольклор Румынской Народной Республики», в которой должно быть освещено музыкальное, словесное и хореографическое творчество румынского народа и национальных меньшинств. В работе над антологиями этой серии принимают участие сотрудники всех трех секций этого Института. В 1959 г. вышла первая книга серии «Фольклорная антология района Подурень»⁵.

Для проведения работы по изданию свода румынского фольклора необходима научно поставленная и планомерно проводимая экспедиционная деятельность, основные принципы которой изложены Михаем Попом (M. Pop) в статье «Новая ориентация в фольклорных исследованиях»⁶. Внимание исследователей, пишет автор, привлекает не только фольклор деревни, но и рабочий фольклор; ими изучается не только музыкальный и словесный фольклор, но и танцы, народный театр, пантомима, обряды, обычаи. При этом их интересуют в основном не отдельные факты и произведения, а фольклорные явления и процессы в целом. Записываются также данные по истории и бытованию каждого фольклорного произведения. По всей стране ведутся наблюдения над процессом обновления фольклора и изменениями его характера. Под особым наблюдением находятся индустриальные зоны, бывшие до 1944 г. сельскохозяйственными районами. М. Поп в статье «Несколько замечаний об исследовании современного фольклора»⁷ рассказывает об экспедиции в один из районов нефтяной зоны Олтении, бывший ранее аграрным. Участников этой экспедиции интересовал процесс применения фольклорных традиций в новых условиях жизни народных масс. В результате обследования было установлено активное бытование народного творчества в этой зоне, особенно художественной самодельности, которая признается автором новой формой жизни фольклора. Об экспедиции летом 1959 г. в область, где сельское хозяйство полностью коллективизировано, рассказывается в отчете Е. Черня и В. Д. Николеску (E. Cernea și V. D. Nicolescu) «О первой фольклорной экспедиции в Добруджу»⁸.

Вскоре после установления нового строя в стране, газеты и журналы стали публиковать фольклористические статьи, в которых явления народного творчества рассматривались в связи с социально-политическим и экономическим развитием страны, прослеживалась связь фольклорных произведений с теми социальными группами, где они были записаны⁹. Позднее появились первые теоретические работы нового плана. Из таких работ несомненный интерес представляют статьи сотрудника Института фольклора и главного редактора журнала «Фольклорное обозрение» М. Попа. Первый номер этого журнала открывается его статьей «Проблемы и перспективы нашей фольклористики»¹⁰, в которой дан исторический очерк предшествующей истории румынской фольклористики и намечены перспективы работы фольклористов Института. Новый этап начинается с 1949 г. — со времени основания Института фольклора, когда наряду с изучением крестьянского фольклора начинается планомерное изучение устного творчества румынских рабочих, а также национальных меньшинств и уточняются методы и принципы фольклористических исследований. Далее автор выдвигает требование исторического изучения фольклорных фактов, которое должно быть направлено на раскрытие художественного замысла произведения и его поэтических особенностей, на то, как отражалась в народном творчестве окружающая жизнь в различные периоды культурного развития народа. Автор настаивает также на сравнительном изучении фольклора разных народов. В статье подчеркивается, что одна из важнейших задач исторического изучения фольклора — установление главных этапов его развития, периодизация.

Этой проблеме посвящена и статья сотрудника Института истории литературы и фольклора И. К. Кицимия (I. C. Chițimia) «Проблема датировки и периодизации народной литературы», состоящая из двух частей («Периодизация народного творчества» и «Попытка периодизации фольклорных исследований»)¹¹. В статье говорится о трудности

⁵ «Antologie folclorică din ținutul Padurenilor (Hunedoara)», Editura muzicală a Uniunii Compozitorilor din RPR, București, 1959.

⁶ Rev., 1958, № 4, стр. 7—28.

⁷ Rev., 1959, № 1-2, стр. 56—64.

⁸ Rev., 1959, № 3-4, стр. 49—74.

⁹ В качестве примера можно привести статьи: Д. Корбея (D. Corbea), Отражение борьбы трудящихся масс в народной поэзии, «Contemporanul», 1949, № 166, стр. 5; Б. Танкред (B. Tancred), Новый фольклор в борьбе за мир и социализм, «Almanahul literar», 1950, № 12, стр. 33—43; б/а, Фольклор и действительность, «Contemporanul», 1950, № 173, стр. 8.

¹⁰ Rev., 1956, № 1-2.

¹¹ Studii, 1959, № 1-2, стр. 353—366.

даже невозможности точной датировки фольклорных произведений, в особенности таких, как свадебные песни, колядки, погребальные песни. Иногда же, путем установления исторических соответствий, это возможно (например, отнесение к определенному историческому времени некоторых баллад). Автор подчеркивает, что для румынских фольклористов может быть в этом отношении полезным опыт советских коллег. В частности, хронологизация русского героического эпоса, предложенная В. Я. Проппом, с некоторыми коррективами может быть использована для хронологизации румынского эпоса. Автор намечает во второй части статьи несколько периодов собирательской деятельности в Румынии — начало ее (до 1840-х годов); романтико-революционный период (до 1880-х годов); широкое научное исследование социальной и духовной культуры народа в целом (до начала XX в.); составление региональных монографий в широком масштабе (первые десятилетия XX в.) и, наконец, период со времени установления строя народной демократии, когда утвердилась новая концепция фольклористики и фольклор во всех его проявлениях стал изучаться в специальных научных учреждениях. Использование лучших достижений фольклористов XIX — первой половины XX в. Б. П. Хашдеу, О. Денсушану (В. Р. Hasdeu, O. Densușianu) и новая научная методология обусловили плодотворную деятельность ученых.

В обобщающих теоретических работах, а также в исследованиях, посвященных отдельным жанрам, проявляется настойчивое стремление по-новому подойти к изучению фольклора. Исследователи указывают, что они рассматривают материал с диалектико-материалистических позиций, что начинает изживаться старый взгляд на фольклор как архаическое явление, сохранившееся в отдаленных, глухих районах, главным образом вследствие безграмотности населения. Фольклор рассматривается как явление непреходящее, являющееся отражением жизни, борьбы, надежд народа. Отсюда выдвигается стремление установить на румынском материале сферу и границы понятий коллективности, устности, анонимности в фольклоре. Этому посвящен ряд статей Василе Адэскэлией (V. Adăscălitei): об участии социальных групп в процессе создания фольклора¹², о социальной функции, выполняемой тем или иным фольклорным произведением¹³, о проблеме коллективного и индивидуального в фольклоре. Коллективность он понимает только как сумму индивидуальных действий (поскольку творческий акт длится на протяжении какого-то времени и совершается при участии отдельных лиц, являющихся создателями, хранителями и исполнителями фольклорного произведения). В статье «Об акте фольклорного творчества» автор рассматривает термин «множественное» творчество и определяет его как промежуточную ступень между индивидуальным (единичным) и коллективным (всеобщим). Этот термин был выдвинут в 1920-х годах фольклористом П. Канчелом (P. Cănel) в книге «Происхождение народной поэзии», отметившим, что в акте фольклорного творчества принимает участие не одно лицо, а несколько, причем эти лица должны принадлежать к одной и той же профессии¹⁴. В последнее время это утверждение поддержал также К. Бэрбулеску, говоря о процессе создания новой песни¹⁵.

В. Адэскэлией в статье «Специфические черты фольклорного словесного творчества»¹⁶, касаясь таких черт фольклора, как коллективность, устность, анонимность, пишет, что он не считает два последних признака обязательными для народного творчества. В румынском фольклоре существовали и существуют такие фольклорные виды, которые бытуют и даже создаются письменно (средневековый народный роман; в наши дни — солдатское письмо (?), варианты светского и религиозного театра). Автор приводит в качестве примера неустного способа передачи фольклорные произведения, записанные на граммпластинку или исполняемые по радио¹⁷.

Далее автор, признавая анонимность признаком, еще крепко держащимся в фольклоре, считает, что это связано, во-первых, с коллективностью, а во-вторых, с неслучайной грамотностью масс, и полагает, что ее можно в большой степени устранить путем «культурализации» масс и путем установления (с помощью истории литературы) авторов профессиональных литературных произведений, ставших фольклорными.

Больше внимания отдельной творческой личности — таков лейтмотив нескольких статей, посвященных исследованию творчества наиболее талантливых исполнителей. «Личный вклад носителя лирического фольклора может идти от простого исполнения традиционного фольклора до законченного творчества, когда носитель фольклора создает художественное произведение полностью из новых элементов, выработанных им самим. Между этими двумя крайностями может быть великое множество промежуточных форм, в которых традиция более или менее сочетается с новаторством», — пишет

¹² Rev., 1958, № 4, стр. 29—41.

¹³ Rev., 1959, № 1-2, стр. 25—41.

¹⁴ П. Канчел. *Originea poeziei populare*, București, 1922.

¹⁵ Studii, 1952, № 1-4, стр. 193—220.

¹⁶ Rev., 1960, № 3-4, стр. 11—30.

¹⁷ М. Поп в статье «Новая ориентация в фольклорных исследованиях» (Rev., 1958, № 4, стр. 7—25) также считает, что устность (будучи способом реализации фольклорного произведения) не обязательна для передачи фольклорных произведений; часто они бытуют в печатном или рукописном виде.

Штефания Голопенция (Stefania Golopenția) в статье «Народная поэтесса Вероника Габудян»¹², где речь идет о 20-летней народной поэтессе с ярко выраженной творческой индивидуальностью. Однако, пишет автор далее, ее творчество базируется на песнях родного края. Этим замечанием автор снимает свое утверждение, что Вероника Габудян относится к творческим личностям, создающим якобы художественные произведения полностью из новых элементов.

Вопрос о соотношении традиции и новаторства волнует многих румынских фольклористов. Они пытаются проследить постоянный процесс обновления традиций и появления нового.

М. Поп считает, что в новом фольклоре особенно ярки те стороны, которые отражают социальные изменения на сегодняшний день. Новый фольклор берет от традиционного то, что отвечает содержанию идеалов и стремлений народа. Выражая чувства, идеи, мечты коллектива, народные творцы и исполнители используют при создании новых песен темы, мотивы и средства традиционного фольклора. Традиция и новаторство сосуществуют: старое не исчезает сразу, а новое не появляется вдруг.

Основной жанр нового фольклора — песня. Т. Александри (T. Alexandri) в статье «Народные исполнители» отмечает, что в одном из районов страны (Олтения) в хороводах поют «плясовые песни нового стиля»¹⁹. М. Поп в статье «Несколько замечаний об исследовании современного фольклора» указывает большую роль в утверждении новых форм фольклора профсоюзных клубов, домов культуры, рабочих бригад и т. д.²⁰ Те же вопросы рассматривает Л. Биргу (L. Birgu) в статье «Некоторые вопросы композиции и художественного воплощения в новой поэзии». В новых песнях, указывает он, звучат темы построения социализма в стране, коллективизации на селе, любви к родине, партии²¹. Об агитационном характере новых песен говорится в ряде статей К. Бэрбулеску и П. Карп²². Е. Черня (Eug. Cernea) и В. Николеску (V. Nicolescu) в статье «О первой фольклорной экспедиции в Добруджу» пишут, что такие песни исполняются группой обычно перед слушателями в домах культуры или в трудовых бригадах в коллективных хозяйствах. В статье сделаны некоторые обобщения, касающиеся бытования и исполнения новых песен. Эти песни, пишут авторы, появились на основе традиционных песен социального протеста, гайдучьих и революционных рабочих песен, причем часто используются тексты старых песен, в которых заменяются отдельные строки и добавляются новые. Часто их поют на старые напевы, преимущественно маршевого характера. Обычным стало усвоение песен, услышанных по радио, в домах культуры, в школах. Авторы приходят также к выводу о появлении новых фольклорных жанров, предназначенных для публичного чтения, опубликования в стенгазетах и местных печатных изданиях. Они отмечают большое влияние профессионального творчества на фольклор, что находит выражение в изменении лексики произведений и элементов их поэтической формы.

Одна из важнейших задач, поставленных румынскими фольклористами, — изучение рабочего фольклора. В. Адэскэлищей в одной из своих статей отмечает, что так как рабочий класс Румынии формировался вначале преимущественно из обезземельного крестьянства, то рабочий фольклор «развивался на базе крестьянских идейно-художественных позиций». Позже на рабочий фольклор оказал некоторое влияние фольклор мелкобуржуазной среды. Большое место в традиционном румынском фольклоре занимали революционные песни, однако старая румынская фольклористика пренебрегала этим жанром. Особое внимание современных исследователей должно привлечь, указывается в статье, творчество рабочего класса в период перехода страны от капитализма к социализму²³.

Однако поставленная румынскими фольклористами задача осталась почти неразрешенной, и ни в одном из рецензируемых журналов не встречается сколько-нибудь значительного исследования, посвященного рабочему фольклору. Исключение составляет очерк А. Фоки (A. Fochi) «К исследованию рабочей песни». Он разбирает одну определенную песню (записана в 1936—1937 гг.; один из вариантов опубликован в сборнике «200 песен и дойн») ²⁴, в которой от имени молодого парня, приехавшего из деревни в Бухарест на заработки, рассказывается о капиталистической эксплуатации на фабрике, об отсутствии какой бы то ни было охраны труда, о частых случаях гибели рабочих²⁵. Песня очень лирична, с грустной протяжной мелодией. Автор подметил, что эта песня очень похожа на песни румынских эмигрантов в Америке (1907—1915 гг.) как по содержанию, так и по поэтическим образам. Продолжая сопоставления, он пришел к выводу, что песня родилась в XIX в. в среде эмигрантов. То, что ее бытование было отмечено в 1936—1937 гг., объясняется сходством социально-экономических условий жизни рабочих Румынии в период между двумя мировыми войнами и условий жизни и труда румын-рабочих в Америке. Статья В. Д. Николеску «Из жизни старинной

¹⁸ Rev., 1957, № 1-2, стр. 99—124.

¹⁹ Rev., 1958, № 4, стр. 73—81.

²⁰ Rev., 1959, № 1-2, стр. 57—64.

²¹ Там же, стр. 67—79.

²² Studii, 1952, № 1—4, стр. 193—220 и Rev., 1957, № 1-2.

²³ Rev., 1958, № 4, стр. 29—41.

²⁴ Ch. Ciobanu și V. Nicolescu 200 cîntece și doine. București, 1955.

²⁵ Rev., 1960, № 3-4, стр. 77—97.

рабочей революционной песни» посвящена исследованию нескольких таких песен, сложенных заключенными в тюрьму революционерами в начале XX в. и записанных только в 1960 г.²⁶ Эти песни были в свое время действенным средством воспитания масс и мобилизации их на борьбу против эксплуататоров. Автор устанавливает литературные и музыкальные источники песен, показывая, что они идут от румынской рабочей песни, профессиональной песни и песенного творчества рабочих других народов.

Несколько большее внимание уделяется исследователями революционной рабочей песни. Так, в редакционной статье в журнале, посвященном 40-летию Румынской Коммунистической партии, отмечается, что современное народное творчество растет и крепнет вместе со строительством социализма в стране, что репертуар революционных рабочих песен обогащается как за счет собственно румынского материала, так и применения к специфике страны революционных песен других народов и особенно народов Советского Союза²⁷.

С возникновением Коммунистической партии революционная рабочая песня приобретает идейную четкость, становится спутником коммунистов в их жизни и борьбе. Одной из таких песен посвящен очерк А. Викола «О нескольких вариантах мелодии „Дойна Хашулуй (Дофтана)“», в котором он вскрывает связь любимой песни румынских коммунистов с крестьянским фольклором²⁸. Мелодия этой песни — старинный крестьянский напев, широко распространенный во второй половине XIX в., очень энергичный, выразительный; и это соответствовало драматическому содержанию новой песни. Кроме того, известны варианты этой крестьянской песни с острым социальным содержанием, что также не могло не способствовать ее усвоению в иной, но близкой ей по духу среде. Проследившая дальнейшую жизнь песни, автор отмечает, что в наши дни она значительно изменилась, став радостной и светлой песней строителей новой жизни.

Румынские фольклористы считают художественную самодетельность новым фольклорным явлением, заслуживающим пристального наблюдения. Однако она имеет в стране очень давние традиции (хоры некоторых сел насчитывают 50, 75, 100 лет существования). Хоровые коллективы зарождались в большинстве случаев по инициативе музыкантов-энтузиастов, и в репертуар хоров включались в основном фольклорные произведения. В настоящее время этот репертуар значительно расширился: в него входят и произведения профессиональных авторов как румынских, так и зарубежных. Однако, утверждая румынские фольклористы, это не означает, что художественная самодетельность оторвалась от фольклора. В информационном бюллетене 12-й конференции народной музыки в Синае говорится, что «делом чести каждого хорового ансамбля или оркестра народных инструментов является исполнение народных песен, особенно местных и областных»²⁹.

Флорин Джорджеску (Fl. Georgescu) в статье «Фольклор и художественная самодетельность» анализирует некоторые новые аспекты освоения фольклора в художественной самодетельности в плане словесном, музыкальном и хореографическом, отмечая, что в художественной самодетельности встречаются различные областные стили румынского фольклора, фольклора национальных меньшинств страны, а также устного творчества других стран³⁰. В статьях Т. Александри «Народные исполнители» и А. Викола «Музыкальный фольклор в наших радиопередачах» говорится о необходимости широко пропагандировать подлинно художественные фольклорные произведения, используя радио, телевидение. Ведется также систематизация румынского фольклорного материала (в частности прозы), составляются библиографии. В подробной информации А. Фоки «Проект схемы классификации „Общей библиографии румынского фольклора“»³¹ сообщалось о решении Института фольклора приступить к составлению такой библиографии, охватывающей период с 1800 г. до наших дней. В журнале Института регулярно печатаются годовые библиографические обзоры.

Немалое место в журналах занимают исследования, посвященные отдельным жанрам румынского фольклора — балладе, сказке, песне, дойне, народному театру³².

В работе румынских фольклористов чувствуется стремление по-иному подойти к явлениям фольклора, привлекаям буржуазных ученых. Естественно, что не все эти поиски немедленно увенчиваются положительными результатами, не со всеми теоретическими положениями румынских ученых можно согласиться полностью. Тем не менее в социалистической Румынии существует новая концепция народного творчества, в определенной мере, как отмечают сами румынские ученые, сложившаяся в научном контакте с советскими фольклористами. Вскоре после выхода в свет программной записки «Проблемы изучения народно-поэтического творчества»³³ в Институте фольклора было

²⁶ Rev., 1961, № 1-2, стр. 12—13

²⁷ Там же, стр. 7—10.

²⁸ Там же, стр. 81—93.

²⁹ Информационный бюллетень Румынского национального комитета 12-й конференции МСНМ. Бухарест, 1959.

³⁰ Rev., 1959, № 1-2, стр. 97—111.

³¹ Rev., 1960, № 1-2, стр. 140—150.

³² См. наш обзор «О жанрах в румынском фольклоре» (Сб. «Русская народная поэзия. Фольклористические записки», вып. 2, Горький, 1962). — *М. Б. Мамо.*

³³ «Изв. АН СССР», Серия литературы и языка, т. XVIII, вып. 6.

проведно ее обсуждение, участники которого отмечали, что задачи, выдвинутые советскими учеными, стоят и перед румынскими фольклористами, а достижения советской науки творчески используются фольклористикой Румынии³⁴.

Т. Орнатская

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МАЛИ

За последние годы значительно увеличилось число исторических работ, посвященных Африке. Наряду с европейскими и американскими учеными, все больший вклад в изучение различных проблем политической, экономической и культурной истории народов африканского континента, в частности народов Западной Африки, делают сами африканцы. Среди исследований африканских ученых большой интерес представляет серия работ гвинейского историка Джибрила Тамсира Нианя о крупнейшем из средневековых государств Западной Африки — Мали¹.

Эта тема, давно привлекавшая внимание африканистов, до сих пор оставляет широкий простор для исследования, хотя анализ некоторых ее сторон в трудах М. Деллафосса и Ш. Монтея может считаться образцовым. Тем приятнее отметить, что гвинейскому автору удалось существенно дополнить, а в некоторых случаях и исправить то, что было сделано его предшественниками.

Работы Д. Т. Нианя ценны прежде всего в источниковедческом отношении. Им впервые опубликован перевод полной записи эпической поэмы о Сундиате². Отсутствие полных записей эпических сказаний народов Западной Африки серьезно затрудняет воссоздание подлинной картины исторического развития этого огромного района. С выходом в свет книги Нианя этот пробел в известной степени восполнен. Во введении автор, говоря о высокой ценности хранимых гриотами исторических преданий, подчеркивает, что изучение этих преданий должно возбудить интерес африканцев к истории своих народов и гордость за нее. Такой подход к изучению эпического устного творчества народов Африки сам по себе может рассматриваться как знамение времени.

Содержание версии гриота Мамаду Куйате из селения Джелиба Коро (р-н Сигири), легшее в основу записи Нианя, довольно сильно расходится с версией М. Деллафосса³. Гораздо ближе оно к варианту, рассмотренному Ж. Видалем⁴, хотя и здесь мы встречаем значительные расхождения.

В целом запись Нианя отличается большим реализмом в описании политической и военной стороны событий по сравнению с версиями Видаля и Деллафосса. Конечно, и у Нианя немалое место занимает чудесный элемент. Но не случайно именно рассказы о военной и политической деятельности Сундиаты более всего уточняют и дополняют наши сведения о деятельности национального героя мандингов. Это относится в первую очередь к сообщению о великом собрании подданных и союзников Сундиаты в Куруканфуге⁵. Это отсутствующее и у Видаля, и у Деллафосса сообщение имеет первостепенную важность, ибо показывает, насколько сильным было влияние норм родового строя на структуру мандингского государства. Запись Нианя сообщает и другую, очень характерную деталь. Через год после собрания в Куруканфуге Сундиата созвал новое собрание в Ниани; на сей раз приглашены были только вассальные правители и высшие чины государства, с которыми и обсуждались важнейшие государственные дела. Такие советы затем стали проводиться ежегодно⁶. Здесь мы видим расширение роли и влияния знати, которая начала отселяться на задний план рядовых соплеменников. Этот же отрывок показывает, как много делал Сундиата для укрепления экономического могущества мандингской знати⁷.

История Мали при преемниках Сундиаты в очень большой степени определялась именно тем характером объединения множества полунезависимых владений, который государство получило в результате собрания в Куруканфуге. Показательно, что всего через год после этого «учредительного собрания» в записи Нианя упоминается о мерах, принятых Сундиатой против Факоли Корома, бывшего всю войну верным вассалом и

³⁴ Адриан Викал, Советские материалы на обсуждении научного коллектива института, Rev., 1960, № 1-2, стр. 153.

¹ Dj. T. Niane, Recherches sur l'empire du Mali au Moyen Age, «Recherches Africaines», 1959, № 1—4 (далее — Recherches, I), стр. 35—46; «Recherches Africaines», 1960, № 1 (далее — Recherches, II), стр. 17—36; его же, Soundjata ou l'épopée mandingue, Paris, 1960 (далее — Soundjata); его же, Mise en place des populations de la Haute Guinée, «Recherches Africaines», 1960, № 2, стр. 40—53.

² Мы оставляем здесь более распространенное в научной литературе название «Сундиата», хотя запись Нианя дает форму «Сунджата».

³ M. Delafosse, Haut-Senegal — Niger (Soudan Français), II. Paris, 1912, стр. 177—183.

⁴ J. Vidal, La légende officielle de Soundjata, fondateur de l'Empire Manding, «Bulletin du Comité des Études Historiques et Scientifiques de l'Afrique Occidentale Française» (далее BCEHS), VII, 1924, стр. 317—328.

⁵ Soundjata, стр. 134—143; Recherches, II, стр. 23.

⁶ Soundjata, стр. 147—148.

⁷ Там же, стр. 142—143.